

Сходство между двумя автобиографиями обуславливается до некоторой степени и причинами их возникновения. Аввакум написал свое Житие с агитационно-пропагандистскими целями.¹⁶ Лишенный возможности прямо проповедовать свои взгляды, он не имел другого способа общения с людьми, кроме письма. Вынужден был и Софроний покинуть свою епископию во Враце. Поэтому и его Житие является исповедью-завещанием, стремлением освободить себя от чувства виновности перед покинутой паствой — высказывает убедительную догадку Михаил Арнаудов.¹⁷

Как уже упоминалось однажды, разрабатывая новый сюжет — собственная жизнь, — и Аввакум, и Софроний рвут нормы и вековые шаблоны старой житийной литературы и создают новый беллетристический жанр документальной автобиографической повести,¹⁸ нашедшей в наши дни свое высшее развитие в автобиографических мемуарах. Непосредственность и документальность двух рассказов, их глубоко личный тон волнуют нас и теперь, потому что через эти произведения мы близко видим, как среди общественной борьбы создаются, формируются и растут две интересные человеческие личности. Как в жизни, так и в Житии дни и годы Аввакума проходят более мятежно и динамично. Настроения у него меняются быстро: неожиданно для читателя он переходит от нежной радости к яростному гневу.¹⁹ Богата эмоциональная палитра и у Софрония: с неизменной любовью он говорит о простых людях, а войско Пазвантоглу, которое причинило ему столько несчастий и беспокойств, прямо называет «пазванските хайдуты». И все же по глубине чувства, выраженного в Житии, по творческой писательской эрудиции на первом месте — протопоп Аввакум.

В. Е. Гусев пишет, что Житие Аввакума помогает современному русскому человеку познать и правильно оценить внутренний мир старорусских людей и понять своеобразную красоту древнерусской культуры.²⁰ К этому правильному определению следует добавить, что современный русский (советский) читатель через Житие Аввакума может познать дух древнерусской литературы и культуры, ибо Житие — неразрывное звено между древним и новым литературными процессами, сочетание старого и нового. Хотя Софроний жил и творил веком позднее и в его Житии гораздо больше ренессансных, современных элементов, из-за специфики (запоздавшее развитие) болгарских общественно-экономических и культурно-литературных условий вместе с «Историей славеноболгарской» Паисия Хиландарского оно служит своеобразным мостиком между староболгарской и новоболгарской литературами.

Заслуживает внимания общее для обоих писателей представление о равенстве людей, и хотя это у них связано с их христианско-религиозной идеологией, является свидетельством демократизма, столь определенно выраженного в житиях.²¹ Несомненно, что такая идея для их времени была прогрессивной.

И, наконец, одно умозрительное наблюдение, которое по существу является основательным доводом в пользу мнения, что болгарский писатель испытал влияние Аввакума, а не Досифея Обрадовича. Предположим, что Софроний был знаком и с Житием Аввакума, и с автобиографией Досифея Обрадовича. Если принять во внимание близость, вернее неразрывную связь Софрония с народом и такое же происхождение, судьбу и участь

¹⁶ История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 355.

¹⁷ Михаил Арнаудов. Софроний Врачански. София, 1943, стр. 6, 48, 67.

¹⁸ Гудзий, стр. 447; Софроний Врачански, стр. 27.

¹⁹ Там же, стр. 452.

²⁰ Гусев, стр. 51.

²¹ История русской литературы (в трех томах), т. 1, стр. 353.